

ПОДОБНО ТЕНИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Требуется телохранитель. Около 30 лет, в отличной физической форме. Кандидаты с опытом службы в спецназе рассматриваются в первую очередь. Хорошие перспективы служебного роста и достойная оплата гарантируются. Заявка, с подробным послужным списком, должна быть написана от руки. Рекомендации от предыдущих нанимателей обязательны. Почтовый ящик 1411.

— Если ты можешь на мгновение оторваться от газеты, налей мне, пожалуйста, еще джина, — протянула Нетта.

— Не могу. Я занят. Будь хорошей девочкой и налей себе джина сама. Не стесняйся, чувствуй себя как дома и не приставай ко мне.

Я размышлял, что имеется в виду под «хорошими перспективами» и «достойной оплатой» и кому мог понадобиться телохранитель. Не часто в лондонских газетах встречаются объявления подобного рода.

Достойная оплата и перспективы. Не отказался бы ни от того, ни от другого, просто для разнообразия.

Забавно, не могу припомнить, когда бы я вообще мог отказаться от денег. Деньги задерживаются у меня не дольше, чем вода в решете.

Месяц назад я выиграл на скачках две сотни фунтов при ставке сто к одному — весь ипподром ахнул от удивления, когда белоносое недоразумение, на которое мне случилось поставить, пришло к финишу первым. Но это было тридцать

дней назад. Сейчас от богадельни меня отделяли только пять фунтов, несколько шиллингов и та самая отличная физическая форма. Две сотни улетели за тридцать дней, это шесть фунтов в день как минимум, — расточительно, надо признать, но тратить их было довольно весело. Чувствуешь себя человеком, не трясясь над каждым грошом.

После демобилизации жизнь швыряла меня не хуже американских горок: вверх — вниз, то в шоколаде, то на мели. Завтра я опять останусь без гроша в кармане. Нет смысла предупреждать Нетту, вот уж кто пронюхает об этом сразу. И я знаю, что она сделает: откроет сумочку и вывалит ее содержимое мне на колени — чековую книжку и все такое.

Черта с два! Мне случалось делать сомнительные вещи, но за счет женщины я еще не жил. И я не собираюсь начинать карьеру альфонса прямо сейчас.

Проблема с Неттой в том, что она хочет содержать меня.

Она достаточно глупа, чтобы вообразить, будто с помощью денег можно крепче подцепить меня на крючок. Стоит мне зашелестеть банкнотами, как она лишается сна от ужаса, что я ее брошу. В ее хорошенькой пустой головке не укладывается мысль, что чем меньше у меня денег, тем меньше желания с ней оставаться.

Тонкости — вот чего ей недостает. Она искренне полагает, что путь к сердцу мужчины лежит через дверь спальни. Она красотка, стильно одевается, владеет роскошной квартирой на Леннокс-стрит, недалеко от Пиккадилли, работает манекенщицей у фотографа Ливинского за тридцать фунтов в неделю. У нее роскошное тело, белокурые волосы, уживчивый нрав, она с ума сходит от всяких зверюшек, но из-за своего навязчивого желания выйти замуж, желательно за меня, совершенно невыносима. Кого угодно достанет выслушивать любовные признания по сто раз на дню, терпеть беспричинные вспышки ревности и истерики в самый неподходящий момент. Она желает давать мне деньги, покупать рубашки,

туфли, галстуки и сигареты. Подумать только, я живу у нее уже три месяца — на два месяца и тридцать дней дольше, чем нужно.

Так что объявление показалось мне манной небесной, долгожданным знаком решительных перемен. Я чувствовал: стоит написать письмо — и работа будет моей. Не то чтобы у меня был большой опыт по этой части. Работа обычно сама сваливалась мне в руки, как, например, в тот раз, когда я любовался роскошным «роллс-ройсом» на Бонд-стрит, а его владелица предложила пять фунтов в неделю и все такое просто за то, чтобы я водил его. Вскоре, правда, я обнаружил, что еще прилагается к этой работе, и тут же слинял. Крутить шуры-муры с пятидесятипятилетней бабой, которая выглядит как порождение Эпштейна¹, — нет уж, спасибо, не надо.

Был еще случай, когда инструктор школы вождения попросил подменить его. Катая длинноногую блондинку вокруг парка, я быстро разобрался, как здесь можно приятно провести время. Чудное место, где я мог бы работать и до сих пор, если бы не нарвался на малютку с внешностью Джейн Рассел², которая нажаловалась на меня в контору.

За четыре года после демобилизации я перепробовал чертову уйму занятий: был букмекером, рестлером, продавцом автомобилей, маркером в бильярдном клубе. Две кошмарные недели провел, таскаясь за собаками по Уайт-Сити с совком и метелкой. Но вот телохранителем я еще не был. И если подумать, возможно, проворонил свое призвание. Охранять тела — вот что получается у меня лучше всего, особенно если тела, как у Нетты.

Для телохранителя, на мой взгляд, я подхожу идеально: у меня мощная мускулатура, быстрая реакция, опыт спецназа, мой хук правой сбивает с ног лошадь. И потом, не думаю,

---

¹ Жан Эпштейн (1897–1953) — французский кинорежиссер-сюрреалист.

² Джейн Рассел (1921–2011) — американская актриса, секс-символ 1940-х и начала 1950-х гг.

что в этой стране у телохранителя много работы. Люди здесь не расхаживают, размахивая ножами и пистолетами. Даже у самых одиозных наших политиков телохранители годами маются от скуки. Так что если зарплата и по моим меркам достойная, то морока по составлению письма может себя оправдать.

— О чем ты задумался, Фрэнки, дорогой? Ты молчишь весь вечер.

— Даю возможность выговориться тебе, пытаюсь быть чутким. Разве не этого ты хотела?

— Но, дорогой, это ненормально — молчать все время. Тебя что-то тревожит. Не говори, что это не так, я же вижу знаки.

— Какие еще знаки?

— Ну, ты хмуришься, грызешь ногти. Мне бы не хотелось, чтобы ты грыз ногти. Я не придираюсь, Фрэнки, но это не очень приятная привычка, и это уродует твои руки.

— Значит, из-за того, что я хмурюсь и уродую свои руки, ты решила, что я тревожусь, так?

— Я знаю, что ты тревожишься, дорогой.

— Женский инстинкт, полагаю?

— Не будь таким циничным, Фрэнки. Не понимаю, что с тобой происходит в последние дни. Ты раздражаешься, не даешь мне сказать ни слова. Ты стал другим. А я так люблю тебя, дорогой, ты ведь знаешь.

Ну вот, сегодня это уже девятьсот девяносто девятое признание в любви.

— Значит, ты не понимаешь, что со мной происходит? Ты достаточно проницательна, чтобы заметить, что я тревожусь, но не можешь сообразить, почему я злой и раздражительный? Ты теряешь хватку, детка, — даже идиот бы догадался.

Она поставила бокал с джином на стол и зажгла сигарету, ее длинные тонкие пальцы дрожали.

— Не будем ссориться, Фрэнки. Мы все время ссоримся. Хорошо, прости меня. Прости, что я завела этот разговор. Лучше я сделаю ужин. Хочешь, я приготовлю тебе стейк?

— Я вовсе не ссорюсь, и спасибо за стейк. Не думай, что я не ценю твою заботу. Я считаю тебя милой девушкой, просто неправдоподобно замечательной.

Она посмотрела на меня, как на бродячую собаку, внезапно оскалившую зубы.

— Фрэнки, пожалуйста...

— Хочешь знать, что меня беспокоит? Изволь. С утра собирался рассказать тебе. Я опять на мели. Что скажешь? Все, что у меня осталось, — это пять фунтов и пара шиллингов. Так что я собираюсь получить работу. Вот, на этой странице объявление, помеченное крестом.

Я протянул ей газету:

— Могу прочесть вслух, если текст тебе не по силам.

Она долго рассматривала объявление, рассеянно накручивая на палец прядь волос. Потом отложила газету и уставилась на свои туфли с тем удивленным выражением лица, как если бы ожидала увидеть вместо них пару штиблет.

— Скажи что-нибудь, наконец! Тебе не кажется, что эта работа как раз по мне?

— Не пиши туда, Фрэнки! Это опасно и глупо. Кому бы понадобился телохранитель, если бы это было не опасно?

— Ну, возможно, объявление дала кинозвезда. Представь, вдруг меня наймут охранять кого-нибудь вроде Бетти Грейбл¹.

— Бетти Грейбл в Голливуде!

— Хорошо, тогда Маргарет Локвуд². Я непривередливый. Или Анну Нигл³. Или Валли⁴. Я соглашусь на половину зарплаты, если это будет Валли.

— Ты просто дразнишь меня, хочешь, чтоб я ревновала. Мы оба знаем, там не будет никаких кинозвезд. Но что-то там неладно, это точно.

---

¹ *Бетти Грейбл* (1916–1973) — американская актриса, танцовщица и певица.

² *Маргарет Локвуд* (1916–1990) — британская актриса, популярная в 1940-е гг.

³ *Анна Нигл* (1904–1986) — британская актриса и певица.

⁴ *Алида Валли* (1921–2006) — итальянская актриса.

Время от времени работа крохотных серых клеточек, которые она называет своим мозгом, ошеломляет меня снайперской точностью.

— С чего ты взяла, что там что-то неладно?

— Зачем кому-то личный телохранитель, когда вокруг столько полицейских?

— Знаешь, иногда я начинаю думать, что ты гораздо умней, чем кажешься. Налей мне выпить и сядь. Нам нужно поговорить.

— Фрэнки, дорогой, почему ты такой жестокий? Почему ты все время говоришь такие обидные вещи?

— Просто молча принеси выпивку. И не говори больше, что ты меня любишь. Меня тошнит от этой фразы.

Она принесла джин и дюбонне¹ и присела рядом.

— Но разве ты не хочешь поужинать, Фрэнки? Уже почти половина восьмого.

— Да хоть бы и половина двенадцатого, мне плевать! Ты уймешься когда-нибудь? Понимаю, что прошу слишком многого, но, если ты соберешь волю в кулак, у тебя получится помолчать пять минут.

Она затихла, глядя на меня исподлобья, словно ребенок, получивший затрецину.

— Ты только что попала в яблочко. Я тоже считаю, что тот, кто поместил объявление, — мошенник. Вот почему я хочу эту работу. Пришло время подзаработать денег, не мелочь вроде сотни-другой — настоящие деньги. Я могу показать тебе парней, слоняющихся по Пиккадилли, которые в одночасье заполучили десятки тысяч фунтов. Парней, достаточно ловких, чтобы повернуть дельце и выжать из него все до капли. Парней, которых не волнуют налоги и у которых в карманах больше наличных, чем я когда-либо видел, не говоря уже о том, чтоб иметь. Вот что я называю настоящими

---

¹ *Дюбонне* — французский аперитив на основе крепленого вина, ароматизированный корой хинного дерева и травами.

деньгами, и что-то мне подсказывает: это объявление — прямая к ним дорожка.

— Но, Фрэнки...

— Не утруждайся, ты не скажешь ничего, чего я не слышал бы раньше. Никто не скажет. Я стреляный воробей, и на мякине меня не проведешь. Половиной всего, что зарабатывал, я расплачивался за идиотские ошибки бездарного правительства, отдавая девять шиллингов с каждого заработанного фунта. Лишь играя на скачках, удавалось сорвать приличный куш, да и то за четыре года я проиграл больше, чем поставил. Остается еще футбольный тотализатор, но не настолько я лох, чтоб так и состариться, пытаюсь выиграть со столь ничтожными шансами. Знаешь, что раздражает меня больше всего? От чего меня выворачивает наизнанку каждый раз, когда я открываю газету? Я скажу тебе. Каждый чертов день недели читать, как какой-нибудь пришлый еврей или итальяшка сколотил состояние. Взять хотя бы того чувака с Парк-Лейн: он мог иметь любую чертову вещь, какую хотел. Даже парни, которые рулят этой страной, лебезили перед ним. Когда он сбежал, он был должен налоговой службе больше двадцати тысяч фунтов; но стоит мне задержать налоговую декларацию на месяц, они засыпают меня письмами с угрозами. Или помнишь типа, который сделал двести тысяч буквально из ничего и попросту испарился? Скажешь, он умен? Что ж, я тоже не промах, дай мне только попасть в игру. И я чувствую, это объявление — мой пропуск туда. Не думай, будто ты единственная, кто способен читать знаки.

— Фрэнки, дорогой, пожалуйста, выслушай меня. Это глупо, ты знаешь сам, что это глупо. Ты ведь не хочешь связываться с полицией? Да, у тебя были трудные времена, но, если ты сделаешь что-нибудь глупое и безрассудное, все станет гораздо хуже. Преступники всегда проигрывают. Они убегают с деньгами, но в конце концов их обязательно ловят. Фрэнки, пожалуйста...

— Да неужели? А тех двух типов поймали? Или ты думаешь, они умнее меня? Хорошо, предположим, мне придется скрываться. Чем плох Тель-Авив? Что не так с Парижем, или Нью-Йорком, или Москвой? Да где угодно с двумя сотнями тысяч фунтов в кармане можно чувствовать себя королем. И позволь мне сказать тебе кое-что, детка: мне нужны эти деньги и я пойду на все, чтобы получить их. Слышишь? На все! Пусть даже мне придется кого-то убить!

Я не собирался этого говорить. Мысли, дремавшие в моем подсознании долгое-долгое время, вырвались наружу сами собой, обретая звучание, плоть и вес. Обретая реальность.

ГЛАВА ВТОРАЯ

То, что я ждал, произошло через три дня.

К девяти, как обычно, Нетта принесла завтрак.

На подносе среди тостов лежали три конверта. Она поставила поднос на столик и начала перебирать рекламные проспекты, притворяясь изо всех сил, что ей неинтересно, кто мне написал.

Два конверта были обычными, со счетами, на третьем красовалась почтовая марка за два с половиной пенни. Мои письма редко украшают марки дороже пенни, так что, похоже, пришел ответ на мое заявление.

Судя по тому, как ерзала рядом Нетта, она думала так же.

Я сделал вид, что мне дела нет до письма. Просмотрел счета: три фунта за бензин, три, четыре и восемь фунтов за джин. Протянул счета за джин Нетте:

— Британские ученые установили: избыток джина отрицательно сказывается на женском организме. Две бутылки за неделю — это не слишком ли, детка?

— Не дурачься, дорогой, ты сам его и выпил!

— Разве? А ты теперь, значит, подсчитываешь, сколько чего я пью? Завела на меня досье?

— О, ради всего святого, что я опять сказала не так?

— Нет времени объяснять, но я непременно уведомяю тебя, если ты вдруг скажешь что-нибудь толковое. Кстати, будет ли уместным с моей стороны попросить тебя разлить по чашкам кофе, пока он полностью не остыл? И попытайся не пролить его в блюдце, как вчера. Считай это причудой, но я терпеть не могу, когда с чашки капает кофе. Наверно, потому, что мой отец капал мне в детстве на мозги. Азы психологии, детка: если покопаться, можно обнаружить корни наших поступков в младенчестве. Полагаю, я мог бы видеть тебя насквозь, порывшись в твоём прошлом, причем даже не лопатой, а чайной ложкой.

— Ты не вскрыл свое письмо, дорогой.

— Можешь вскрыть, если хочешь.

Она потянулась к конверту, но тут же остановилась. Чему-то она все же научилась за три месяца нашей совместной жизни, раз смогла понять, что есть вещи, за которые бьют по рукам.

— Меня не интересуют твои письма. Знаешь, Фрэнки...

— Знаю. Я злой, раздражительный, говорю обидные вещи, но ты все равно любишь меня.

— Если ты будешь таким ужасным...

— Полистай свои модные журналы, выбери платье. Я не собираюсь платить за него, но это хоть как-то тебя займет.

Пока она возилась с журналами, я допил кофе и вскрыл конверт. Мне понадобилось не больше минуты, чтобы изучить его содержимое: несколько строк на дешевой бумаге, аккуратно напечатанных, с такой подписью, которую под силу разобрать только банковскому клерку.

— Помнишь, я показывал тебе объявление? Парня, который искал телохранителя?

Как будто не об этом она думала дни напролет.

— Да. Ты написал ему? — Она настороженно взглянула на меня.

— Прекрасно знаешь, что да. После того как ты надулась и ушла спать, я сочинил истинный шедевр и отослал его той

же ночью. А вот и ответ. Признаться, письмо несколько разочаровывает: ни бумаги ручной работы, ни тисненых монограмм — не так пахнут большие деньги. С другой стороны, содержание недвусмысленное и по существу. Я должен явиться на собеседование сегодня в двенадцать, сжимая в потных кулачках рекомендации.

— А у тебя есть, дорогой?

— У меня есть — что?

— Рекомендации.

— Нет, если только ты не желаешь что-нибудь написать. Например, что я жестокий и злой. Окажешь мне услугу? Я могу даже водить твоей рукой, если ты стесняешься своего почерка.

— На самом деле ты не собираешься идти туда, да, Фрэнки?

— Разумеется, собираюсь. Не думаешь же ты, что я упущу шанс ухватить за хвост удачу? Кто не рискует, тот не выигрывает, детка. Кроме того, они называют себя «Современными предпринимателями», а кто скажет, что я не современен и не предприимчив?

— Фрэнки...

— Что еще?

— Ты говорил ужасно безрассудные вещи той ночью...

— Я ужасно безрассуден и нынешним утром.

— Ты говорил злые и глупые вещи. Я просто хочу, чтобы ты признался, что говорил их в шутку.

— Унеси поднос, сделай милость. Если есть что-то, что я ненавижу больше капающего с чашки кофе, то это обеды. Может, потому, что моя тетя была высохшим огрызком. Помню, отец назвал ее так, когда я как раз учился ходить. Взрослые должны быть очень осторожны с тем, что говорят в присутствии детей. Ты все еще немножко ребенок, не так ли, Нетта?

На ее засветившееся от радости лицо было больно смотреть.

— Значит, ты дурачился, Фрэнки? Ох, дорогой, я так беспокоилась! От этих разговоров об убийстве у меня кровь стынет в жилах.

— Убери поднос и иди ко мне, я мигом тебя согрею.

Офис «Современных предпринимателей» располагался на четвертом этаже развалюхи на Вардур-стрит. Лифта не было, из вестибюля несло курятником, а лестничные перила, за которые я по неосторожности схватился, оставили на пальцах следы липкой грязи.

Одолев четыре лестничных пролета, я нашел нужные двери в конце полутемного коридора.

К этому времени настроение у меня было ни к черту: не так я представлял себе врата в райскую жизнь. С каждым пролетом мечта о богатстве становилась все более эфемерной. Похоже, объявление было чьей-то дурацкой шуткой, и мне не терпелось познакомить шутника со своим знаменитым хуком правой.

Не утруждаясь стуком, я нажал на дверную ручку и вошел. Комната подтвердила мои худшие подозрения: она была тесной, грязной и убогой. Возле незанавешенного окна примостился стальной картотечный шкафчик, ветхие половицы стыдливо прикрывал потертый коврик, на подоконнике притулился пыльный электрообогреватель, в центре громоздился покосившийся письменный стол. Больше ничего существенного в комнате не обнаружилось.

Если не считать восседающей за столом уродливой грузной еврейки, лет где-то около двадцати, а может и сорока, облаченной в черное атласное платье, швы которого, казалось, вот-вот лопнут от натуги, сексуальной, как осьминог, и привлекательной, как гора невымытой посуды. Близорукие глазки, блеклые, словно недозрелые ягоды крыжовника, уставились на меня из-под толстых стекол очков с нескрываемым недоверием.

Я почувствовал, как во мне вновь зашевелилась надежда. Что-то в ее наружности говорило о стальной хватке и уме

остром как бритва. Рядом с этой тигрицей Нетта выглядела бы сущим котенком. Если ее босс того же типа, с ним можно иметь дело.

Вообще-то, внешний блеск ничего не значит для евреев: из конторы, похожей на запущенный хлев, они могут возвращаться домой на «роллс-ройсе».

Я бросил конверт на стол:

— Мне назначено в двенадцать. Я пришел.

Она поднесла письмо почти вплотную к крючковатому носу, всматриваясь в текст, будто никогда не видела его раньше. Потом оглядела меня снизу доверху и указала грязным пухлым пальцем на стул. На пальце сверкнул бриллиант. Заметив мой взгляд, она неловко прикрыла кольцо ладонью.

— Присаживайтесь. Я выясню, сможет ли мистер Зарек вас принять.

Я несколько опешил. Столкнувшись с особой, словно сошедшей со страниц юморесок Артура Коблера¹, ожидаешь услышать грубый говор уроженки Бронкса, но, за исключением слегка подвывающих интонаций и излишне правильного произношения, ее речь была так же хороша, как моя.

Я уселся. Она не бросилась докладывать о моем прибытии, а раскрыла массивный гроссбук, который выглядел такой же фальшивкой, какой, несомненно, и был, и принялась сосредоточенно заносить туда цифры. Перечитала письмо и вновь устремила на меня пронизывающий взгляд, как будто хотела пересчитать мелочь в моих карманах вместе с волосками на груди.

Затем выбралась из кресла, переваливаясь по-утиному, пересекла комнату и исчезла за дверью, ведущей, надо полагать, в кабинет хозяина.

Мне доводилось видеть разных толстушек, но эта была исключительной: тяжелая и громоздкая, как призовая сви-

---

¹ *Артур Коблер* (1900–1975) — американский сатирик и сценарист еврейского происхождения, произведения которого известны этнически окрашенным юмором.

нья. Со спины она смахивала на бочонок пива с ножками, причем — забавная вещь — настолько изящными ножками, что даже Нетта позеленела бы от зависти.

Я наострил уши, но из-за двери не доносилось ни звука. Что ж, поразмыслим над ситуацией. Теперь меня было не одурачить жалкой обстановкой — я чувствовал запах денег. Кольцо толстухи я видел хоть и мельком, но достаточно ясно, а я кое-что понимаю в бриллиантах. Камень, который она неуклюже пыталась скрыть, стоит от трех до четырех сотен фунтов, колечко явно не обручальное и найдено не в канаве. Скорее всего, это подарок за услугу или плата за молчание, что-нибудь в этом роде. Дар, достойный мошенника, способного позволить себе такую причуду, как убогие комнаты или личный телохранитель.

У меня есть привычка насвистывать, когда все идет как надо, и сейчас я свистел. Запах денег кружил мне голову.

Она появилась, когда на моих часах было 12:20.

— Мистер Зарек вас примет. Можете войти.

Собираясь на встречу, я потратил порядочно времени, обдумывая гардероб. Нетта предложила синий в елочку шерстяной костюм, но, чтобы она не много о себе воображала, я выбрал джинсы и темно-синюю водолазку, подчеркивающую рельеф моих мышц.

Я вошел в кабинет легкой пружинистой походкой, какой атлеты пытаются впечатлить оказавшихся в поле зрения прелестных дев. Лицо освещала скупая мужественная полуулыбка, брови сурово сдвинуты — ни дать ни взять гибрид Фредди Миллса¹, добивающего соперника, и Пола Муни в роли Человека со шрамом² на сходке с враждебным кланом.

Если бы не отсутствие обогревателя на подоконнике, комната была бы близнецом предыдущей: скособоченный стол,

---

¹ *Фредди Миллс* (1919–1965) — английский боксер, чемпион мира в полутяжелом весе.

² *Пол Муни* (1895–1967) — американский актер, наиболее известный по роли чикагского гангстера из фильма Говарда Хоукса «Лицо со шрамом».

изношенный ковер на полу, густой слой пыли и запах дряхлости и тлена.

За столом сидел смуглолицый коротышка в наряде столь поразительном, что я остолбенел. Никогда прежде мне не доводилось видеть такого фантастического уродства. Даже Макс Миллер¹, шокирующий публику в Холборн-Эмпайр во времена моего босоногого детства, на фоне этого буйства красок казался бы чопорным, как официант. Кроваво-красные полоски расчленили желто-коричневую ткань хламиды на зловещие трехдюймовые квадраты, но ярко-зеленые, отливающие изумрудным блеском отвороты карманов разбавляли угрожающий окрас всполохами задорного оптимизма.

«Парень — псих, — охнул я про себя обреченно, — это объясняет все: и объявление в газете, и письмо, и одежду. Только чокнутый способен напялить на себя это пальто». Я осторожно попятился, пытаюсь рассчитать пути отступления. Если что-то меня реально пугает, так это люди, съехавшие с катушек.

— Входите, мистер Митчелл, — прогнусавил коротышка, подвывая на манер толстухи. — Вам не нравится пальто? Мне тоже. Входите и садитесь. Я расскажу о нем, пока вы будете курить.

Его речь звучала почти разумно, но полностью моих опасений не развеяла. Я примостился на краешке плетеного стула — так, чтобы между мной и пальто оставался хотя бы стол.

— Я снимаю здесь офис три года, — продолжал он, почесывая нос мизинцем, — и восемь моих пальто были украдены. Это слишком, не находите? Тогда я приобрел эту вещь, и никто до сих пор не попытался ее стянуть. Может, она так и останется со мной до конца жизни, раз уж никому не приглянулась? Не то чтобы она мне нравилась, но я легко про-

---

¹ Макс Миллер (1894–1963) — прославленный английский комик, известный эксцентричными костюмами и рискованными шутками, часто вызывавшими проблемы с цензурой.

стужаюсь, а ходить без пальто в этом климате — рискованное занятие.

Он вытащил из кармана несвежий носовой платок и трубно высморкался.

— Кроме того, это полезно для бизнеса. Людей интригует необычное, они пытаются раскусить меня. Вся Вардурстрит знает «человека в пальто». Это выгодная сделка, мистер Митчелл.

— Она должна быть очень выгодной, если компенсирует такой наряд.

Тонкие губы скривились в усмешке.

— У нас, иностранцев, изрядное преимущество перед вами: мы не застенчивы.

— Это уж точно.

Нет, коротышка определенно не сумасшедший. Я изучал его так же откровенно, как он меня. Интересно, из каких он евреев? Если существуют турецкие евреи, он мог быть из них. Смуглое лицо словно состояло из одного носа — гигантского попугайчьего клюва. Глаза, казалось, цеплялись за его бока, а тугой тонкогубый рот начинался прямо из ноздрей. Над этим шнобелем нависал лоб, переходящий в блестящую лысину. Редкие пучки жестких волос торчали над остроколючими, как у летучей мыши, ушами.

Он был на редкость уродлив, но стоило поймать на себе его пронзительный взгляд, и об уродстве больше не вспоминалось. Это был взгляд человека, способного строить империи, ворочать миллионами, перерезать горло собственной матери и затем рыдать над ее могилой. Теперь я был уверен, что жалкие комнатухи — всего лишь фасад, декорации, созданные для защиты от праздношатающихся зевак. Эти глаза и бриллиант толстухи — лучшее доказательство, что я попал в правильное место.

Я успел выкурить две сигареты, свои, не его, пока он терзал меня вопросами о каждой детали, упомянутой в моем

опусе. Время от времени я картинно поигрывал мускулами — пусть полюбуется на товар, который покупает.

— Мистер Митчелл, вы не упомянули, что сидели в тюрьме.

Хороший заход... Вот этого я не ожидал.

— Кто упоминает о таких вещах? Это вредит бизнесу.

— Вы убили двоих, мужчину и женщину, когда в нетрезвом состоянии вели машину, верно?

— Так оно и было. Тормоза дышали на ладан, это могло случиться с каждым.

— Пьяницы действуют мне на нервы.

— Как и мне. Это произошло четыре года назад. С тех пор я многое переосмыслил.

— Те, кто на меня работает, не пьют, мистер Митчелл.

— Когда я вышел из тюрьмы, то поклялся, что больше не выпью ни капли.

Он впился в меня острыми глазками.

Ну-ну, никому еще не удавалось поймать меня на лжи.

— В таком случае...

Я чувствовал, что уже на три четверти в деле, и, когда он спросил про рекомендации, решил, что пора сыграть роль прямого парня.

— От моих рекомендаций, мистер Зарек, будет не много прока. Вам нужен телохранитель, я никогда им не был. Никто не может сказать, гожусь ли я для этой работы. Вам придется решать самому.

— Меня интересует, насколько вы честны, добросовестны и надежны.

— Стоит ли полагаться на чужие оценки? Нет ничего надежнее собственного суждения.

Он изучал меня больше минуты.

— Может, вы и правы, мистер Митчелл.

Итак, дело в шляпе. Так я и думал. Теперь посмотрим, что он собирается мне предложить. Как там насчет перспектив и достойной оплаты?

— По причинам, которые я объясню позже, мне нужно, чтобы кто-то вроде вас сопровождал меня в деловых поездках. Это может продолжаться довольно долго. Думаю, десять фунтов в неделю, плюс полный пансион, вполне достаточно за такую работу. Торговаться я не намерен.

— Вы упоминали перспективы.

Черные бусинки глаз сверкнули.

— О перспективах будем говорить, когда узнаем друг друга получше. Я сообщу, насколько вы подходите, в конце месяца.

— Жду с нетерпением конца месяца.

Дверь распахнулась, в комнату вплыла толстуха со стопкой писем и шмякнула ее на стол.

— Эми, это Фрэнк Митчелл. Он будет работать на меня. Мистер Митчелл, это мисс Перл.

Знал бы я, какая роль уготовлена для нее в скором будущем, я был бы куда любезнее. Но я не знал.

Я одарил ее уничижительной усмешкой и откланялся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Так ты получил ее?

— Разумеется. Не думаешь ли ты, что я потащился бы к черту на рога, не будучи уверен в успехе? Послушай, детка, не приставай ко мне сейчас, я должен упаковать вещи.

— Упаковать?

— Правильно. Сложить вещи в сумку: упаковать.

— Ты уходишь?

— Совершенно верно, я ухожу.

Она побрела за мной в спальню, жалкая, как котенок на отколовшейся льдине.

— Я буду скучать по тебе, Фрэнки.

— Как и я. Такое случается сплошь да рядом. И потом, я буду забегать время от времени. Я не говорю «прощай»,

детка, я говорю «оревуар», что по-французски значит «скоро увидимся». А теперь успокойся и не путайся у меня под ногами.

Она съежилась на стуле, обхватив себя руками:

— Я не буду мешать. Хочешь, я помогу упаковать вещи?

— Нет уж, спасибо, знаю, как ты пакуешь. Я уж как-нибудь сам.

— Какой он, Фрэнки? — помолчав, спросила она.

— Крошка-еврей. В голом виде сошел бы за стервятника. Одет как клоун на манеже. Говорит, чтобы пальто не стянули, пришлось выбрать эту расцветку. Да уж, на такой прикид позарится разве что дальтоник или психопат.

— Но зачем ему телохранитель?

Я вытащил из гардероба пару костюмов и разложил их на кровати. Достал из-под туалетного столика три пары туфель.

— Сообрази мне что-нибудь выпить, и покрепче. Предполагается, что я трезвенник, так что, боюсь, на сегодня это последний шанс промочить горло.

Она принесла двойной виски с чайной ложкой воды, как я люблю. Когда она протянула мне стакан, ее руки дрожали.

— Прекрати. Рано или поздно это должно было случиться. Ты ведь не думала, что я буду жить здесь всю жизнь, не так ли?

— Люди живут вместе всю жизнь.

— Кто я, по-твоему, — Дарби?¹

— Фрэнки, если это из-за денег... Я скопила кое-что... Они твои! Все равно без тебя мне ничего не нужно.

— Только не начинай по новой.

— Зачем тебе уходить? Ты можешь охранять его днем, а ночевать здесь.

— Это круглосуточная работа. Кто-то шлет ему письма с угрозами.

---

¹ Харри Дарби (1895–1987) — американский политик-республиканец, успешный бизнесмен.

— Пусть обратится в полицию.

— Подобные типы держатся от полиции подальше.

— Но он знает, кто ему пишет?

— Разумеется, нет. Он получил уже три письма, и автор, похоже, не семи пядей во лбу. Письма отпечатаны на машинке с западающими буквами «е» и «д», значит ее легко отследить. И бумага характерная: голубые листы с фигурными краями, какие обычно используют женщины. Знаешь, когда он показал мне письма, я сразу подумал о секретарше.

— У него есть секретарша?

— Разумеется, у него есть секретарша. Я, чтоб показать, мол, не лыком шит, намекнул: не худо бы ее проверить, от-правитель-то, похоже, женщина. Так его чуть удар не хватил. Говорит: «Доверяю ей, как себе, мы фактически партнеры, она со мной уже десять лет, с тех самых пор, как ей минуло четырнадцать, а тому, кто будет ее очернять, лучше убираться отсюда подобру-поздорову». Ну, хочет смотреть на нее сквозь розовые очки — да ради бога, мне до лампочки.

— Как она выглядит? — будто бы невзначай осведоми-лась Нетта.

— Как еврейка.

— Еврейки бывают очень привлекательными.

— Она именно из таких. Жгучего, страстного типа, а что за фигура! Ничего подобного мне встречать не приходилось.

— Так же хороша, как моя?

— Не глупи, я сказал «фигура». Это где есть за что подер-жаться, нечто роскошное, чувственное...

Она вздохнула.

Я уложил костюмы в чемодан и принялся заворачивать в бумагу туфли.

— Чем занимается этот человек, Фрэнки?

— Торговец: перепродает все, что приносит барыш. Ска-жем, тебе нужна дюжина пар нейлоновых чулок. Он поку-пает их у кого-то по сходной цене, продает тебе втридорога, а разницу кладет в карман. Выгодное дельце. Нужно только

знать, где дешево купить и дорого продать. Проще пареной репы.

— А почему ему кто-то угрожает?

— Он считает, конкуренты пытаются убрать его с дороги. В этом бизнесе каждый пытается урвать кусок пожирнее, и соперники как кость в горле. А он, по его словам, человек маленький, беззащитный. Врет, я считаю. Здесь кроется что-то еще. Уж больно странные письма, какие-то ребяческие, что ли. «Если ты веришь в Бога, готовься к встрече с Ним», — это в первом. «Жить тебе осталось недолго», — во втором. Верится с трудом, что эти шакалы станут посылать подобный вздор. Уж их угрозы звучали бы чертовски убедительно. Не пойму, почему Зарека пугает этот детский лепет.

— Его так зовут?

— Да, Генри Зарек. У него загородный дом недалеко от Чешама. Туда я и собираюсь сегодня вечером.

— Ты хочешь сказать, что уедешь так далеко?

— Это вовсе не далеко, всего тридцать две мили отсюда. Не в Шотландию же я отправляюсь.

— И ты должен оставаться с ним?

— Сопровождать его повсюду, жить в его доме, околачиваться вокруг его офиса, водить машину. Десять фунтов в неделю и полный пансион.

— Фрэнки, дорогой, но ведь это все равно что работать прислугой.

— И что плохого в том, чтобы работать прислугой?

— Потому что это тупик. Это неблагоразумно. Разве не лучше вложить деньги в собственное дело, которое станет приносить прибыль? Ты же знаешь, я всегда одолжу тебе денег. И ты можешь жить здесь, совершенно бесплатно, пока не станешь на ноги.

— Однажды кто-то воспользуется твоим предложением и ты потеряешь все свои деньги. Но это буду не я. Очень мило с твоей стороны, но я пока еще не созрел до кольца в носу.

— Ты говоришь чудовищные вещи.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДОБНО ТЕНИ. <i>Перевод Е. Складенко</i>	5
ТАК УСТРОЕН МИР. <i>Перевод А. Полошака</i>	201
ФИНТ ПРОСТАКА. <i>Перевод И. Митрофановой</i>	421